

пришел возвестить тебе. Сатана спросил: во сколько времени сделал ты это? Он отвечал: в двадцать дней. Сатана повелел и этого бить бичами, сказав: почему ты в столько дней сделал так мало? — И третий пришел и поклонился ему. И этому он сказал: ты откуда? Демон отвечал: я был в таком-то городе; там праздновалась свадьба: я возбудил ссоры и произвел большое кровопролитие; сверх того убил самого жениха и пришел возвестить тебе. Сатана спросил: во сколько дней ты сделал это? Демон отвечал: в десять. Сатана повелел и этого (...) бить бичами. И еще один демон пришел поклониться ему. Сатана спросил: откуда? Демон отвечал: из пустыни. Исполнилось сорок лет, как там борюсь с одним из монахов и едва одержал над ним победу (...) Сатана, услышав это, встал с трона, начал целовать демона, — сняв царский венец, который был на главе его, возложил на голову демона и посадил его возле себя на престоле, сказав: ты совершил великое и славное дело» (Отечник, составленный святителем Игнатием Брянчаниновым). М., 1992. Ч. 2. С. 446—447). Или: «Некоторый брат шел по пустыне. День склонялся уже к вечеру. На дороге случилась пещера; брат вошел в нее, чтоб провести ночь. По обычаю он занялся псалмопением; наступила полночь. По окончании бдения он присел, чтоб дать отдых телу: внезапно он начал видеть бесчисленные полки демонов, которые отовсюду стекались в пещеру: густыми толпами шли они, одни впереди своего князя, другие сзади его. Князь был и выше всех ростом и страшнее взором. Он сел на возвышеннейшем троне и начал подвергать строгому рассмотрению дела каждого из демонов; повелевал изгонять с великим бесчестием от лица своего тех, которые не возмogli обольстить своих противников; называл их нерадивыми, упрекая с страшною яростию за то, что они растратили и продолжительное время и труд бесполезно. Напротив того, тех, которые успели обольстить порученных им человек, он превозносил величайшими похвалами, как храбрейших ратоборцев, служащих образцом для всех, — и вторили все демоны князю общим восторгом и восклицаниями. Между прочими духами пришел в великом веселии некоторый злейший дух, возвещая с великим торжеством, называя монаха, коротко известного всем, и уверяя, что он его поверг эту ночью в блудное падение, боровшись с ним постоянно в течение пятнадцати лет. Собрание, выслушав эту весть, предалось необузданной радости, а князь превознес демона величайшими похвалами» (Там же. С. 502).

С. 81. *Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде. А также ранее в «Бесах» (о Степане Трофимовиче Верховенском. Т. 10. С. 11): И вот теперь, уже с опаленными крыльями, он, естественно, вспомнил о предложении, которое еще и прежде колебало его решение.*

Ср. в переводе Пушкина отрывок из драмы В. Гюго «Кромвель» (1827) (слова одного из героев, обращенные к Мильтону, автору «Потерянного рая»): «Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за собою барашка на голубой ленточке. Но Ева, Адам,

ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями! Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 140. Статья Пушкина (О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»), включившая переведенный Пушкиным отрывок, была впервые опубликована в «Современнике» за 1837 г., кн. 5).

Ю. Д. ЛЕВИН

«ДВОЙНОЕ ВРЕМЯ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(К проблеме художественного времени)

Одной из сложнейших проблем в создании сюжетной художественной литературы является проблема единства временного потока в произведении с несколькими сюжетными линиями. Как указал Д. С. Лихачев, сознание этого единства «приходит в фольклоре и литературе не сразу. События разных сюжетов в фольклоре и на начальных этапах развития литературы могут совершаться каждое в своем ряду времени, независимо от другого».¹ В этой связи можно упомянуть, например, английскую средневековую и возрожденческую драматургию, где встречается примитивная форма «двойного времени», когда две или более синхронно начавшиеся и завершающиеся сюжетные линии требуют разных отрезков времени для своего развития.² В дальнейшем подобные временные несообразности выявлялись как художественное несовершенство и даже осмеивались.³

На определенном этапе литературного развития, «когда сознание единства времени начинает преобладать (...) различия во времени различных сюжетов начинают восприниматься как нечто сверхъестественное, чудесное».⁴ Более того, на этом этапе события различной временной протяженности, видимо, уже специально сводились вместе для демонстрации чуда. Так, например, в итальянской новелле начала XIV в. «Фридрих Второй и маги» волшебники заставляют некоего рыцаря прожить целую жизнь, полную событий, за краткий миг, в течение которого император Фридрих не успевает вымыть руки.⁵

Подобное чудесное совмещение разных отрезков времени встречается и в переводной древнерусской литературе. Сошлемся хотя бы на апокриф греческого происхождения «Повесть о пленении Иерусалима»

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 217.

² Подробно об этом в кн.: Buland M. The presentation of time in the Elizabethan drama. New York, 1912.

³ См.: Левин Ю. Д. О композиции комедии Бомонта и Флетчера «Рыцарь Горящего Пестика» // Philologica: Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., 1973. С. 297—298.

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 217.

⁵ См.: Новеллы итальянского Возрождения. М., 1912. Ч. 1. С. 40—41.

(XII в.).⁶ В ней юноша Авимелех, ушедший из Иерусалима, засыпает под деревом и, проснувшись, решает, что он «в сласть постыпал мало». Он обнаруживает, что собранные им ранее смоквы еще свежи и с них капает сок («обрете от смькв млеко каплюше»). Между тем Иерусалим от ухода до возвращения Авимелеха просуществовал 66 (по другим версиям — 70) лет, подвергся вавилонскому истреблению и пережил другие драматические события. Правда, в тексте апокрифа говорится, что сам Авимелех «спя 60 и 6 лет», но нам это представляется поздним добавлением: переписчик заменил «менее правдоподобное» на «более правдоподобное». Весь смысл заключался в том, что Авимелех спал недолго; недаром он совсем не изменился, не постарел, в отличие от жителей Иерусалима. И доказательством кратковременности сна служили смоквы; иначе их художественная функция утрачивается.

По-видимому, наиболее ярким примером чудесного совмещения разных по длительности событий может служить мусульманское предание о ночном путешествии и вознесении на небо основателя ислама Мухаммеда (Магомета). Согласно этому преданию, которое традиция связывает с первым стихом 17-й суры (главы) Корана,⁷ в 621 г. однажды ночью Мухаммед, разбуженный архангелом Гавриилом, совершил на волшебном коне Аль-Борак путешествие из Мексики в Иерусалим, а затем поднялся по лестнице Иакова, прошел и обозрел все семь небес, имел семьдесят тысяч бесед с Богом и вернулся обратно прежде, чем успела вытечь вода из кувшина, опрокинутого им при уходе из дома.⁸

Предание это, послужившее темой многочисленных поэтических обработок,⁹ стало в дальнейшем, в XVII—XVIII вв., известно и за пределами мусульманского Востока. То, что средневековое сознание считало чудом, в рационалистическом европейском мышлении превратилось в притчу, которой можно было иллюстрировать некое рациональное умозаключение. Именно так поступил английский писатель Джозеф Аддисон, который в одном из выпусков сатирико-нравучительного журнала «Зритель» («The Spectator». 1711. June 18. N 94), посвященном рассуждению об относительности представлений человека о времени, приводил суждения Дж. Локка и Н. Мальбранша об этом, после чего замечал: «Известное место в Алькоране написано так, словно Магомет имел те же понятия, о каких мы говорим здесь».¹⁰ И

⁶ Тихомиров Н. С. Апокрифические сказания // Сб. Отд-ния русского языка и словесности АН. СПб., 1894. Т. 58, № 4. С. 15—24. См. также: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 145—146.

⁷ «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из наших знамений» (Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963. С. 220, 557).

⁸ Мюллер А. История Ислама с основания до новейших времен. СПб., 1895. Т. 1. С. 95—96; см. также: The Life of Muhammad / A translation of Ishaq's «Sirat Rasul Allah». London; New York, 1955. P. 181—187.

⁹ См.: Крымский А. Источники для истории Мохаммеда и литература о нем. М., 1902. С. 93.

¹⁰ The Spectator. 8th ed. London, 1726. Vol. 2. P. 49. Дж. Аддисон ошибался: в Коране нет такого рассказа.

далее следовал рассказ о ночном путешествии и восхождении на небо, к которому автор добавлял еще турецкую сказку, «близкую к обсуждаемой теме». Некий маг уговорил египетского султана, сомневавшегося в истинности предания о Магомете, опустить голову в водоем. Сделав это, султан обнаружил, что находится на незнакомом берегу. Он пустился в странствия, пережил множество приключений, разбогател, женился, имел семь сыновей и семь дочерей, затем разорился и впал в нищету. Однажды, совершая омовение, он окунулся в море и, вынув голову из воды, увидел что стоит около водоема рядом с волшебником, и все, что с ним произошло, «было лишь сном и обманом чувств».¹¹

Мы остановились на «Зрителе» № 94, потому что, видимо, из него предание о Магомете узнал юноша М. Лермонтов, который контамирировал два сюжета. В первой сцене его «романтической драмы» «Странный человек» (1831) Дмитрий Белинский, друг протагониста Владимира Арбенина, говорит ему: «Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время 14-тью годами состарился; так и ты в короткое время ужасно переменялся».¹² Здесь не только Магомету приписаны события турецкой сказки, но и 14 детей султана превратились в 14 лет жизни. Подобный пример аберрации памяти у Лермонтова в эти годы встречается в известном его письме к М. А. Шан-Гирей, где, пересказывая шекспировского «Гамлета» (д. III, сц. 2), он заменил Полония Розенкранцем и Гилденстерном, спутал последовательность диалогов, произвольно передавая реплики действующих лиц.¹³

В реплике о Магомете из лермонтовской драмы то, что некогда считалось чудом, стало эффектным художественным образом для сравнения. Но важнее, пожалуй, другое: Лермонтов переосмыслил притчу из «Зрителя».¹⁴ Там султан, вынув голову из воды, вернулся к прежнему состоянию, хотя успел за мгновение пережить другую жизнь. У Лермонтова и его герой, и Магомет за краткий срок постарели на много лет, ибо возраст определяется не числом прожитых лет, а интенсивностью внутренней жизни. — представление весьма существенное для мировоззрения русского поэта.

Во второй половине XIX в. притча о Магомете вновь возникает в русской литературе — у Достоевского, писателя, для которого осмысление художественного времени являлось одной из наиболее существенных сторон его творчества, и сама проблема времени была весьма важной в его мировоззрении. Сведения о пророке он, возможно, почерпнул из популярного в свое время сочинения американского

¹¹ Ibid. P. 51.

¹² Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1956. Т. 5. С. 211.

¹³ См.: Там же. Т. 6. С. 407—408, 698; Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 242.

¹⁴ Неизвестно, каким образом Лермонтов познакомился со «Зрителем» № 94. Помимо английского оригинала, а также немецкого и особенно французского переводов, которые имели хождение в России, существовали и русские переводы: О препровождении времени и распространении своих познаний // Зеркало света. СПб., 1786. Ч. 1, № 11. С. 240—246; О препровождении времени // Цветник, или Собрание рассуждений... / Изд. П. Б[огдановича]. СПб., 1788. С. 17—33. Ближайший по времени русский перевод (Н. Р. О препровождении времени // Дамский журнал. 1832. Ч. 39, № 33. С. 86—90) вышел в свет уже после написания «Странного человека».

писателя Уошингтона Ирвинга «Магомет и его последователи» («Mahomet and his successors», 1850), которое было переведено на русский язык¹⁵ и неоднократно переиздавалось. Подверженный припадкам падучей болезни, писатель истолковал предание как отражение переживаний эпилептика.¹⁶ По свидетельству С. В. Ковалевской он говорил: «Магомет уверяет в своем Коране, что видел рай и был в нем (...) Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я».¹⁷

Г. М. Фридендер, комментируя «петербургскую поэму» Достоевского «Двойник» (1846), в которой, в частности, упоминается «турецкий пророк Мухаммед» (1, 158), создал сжатый, но достаточно содержательный обзор интерпретации этого образа в творчестве русского писателя и установил возможные источники полученных и использованных им сведений (см.: 1, 494—495). И завершая обзор, ученый писал: «...после того как у Достоевского в 1850-х годах обнаружилась эпилепсия, его интерес возбуждают рассказы о „священной болезни“ Магомета, вызванных ею видениях и галлюцинациях. О „секунде, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета“, говорится в романах „Идиот“ (1868), „Бесы“ (1871—1872)...».

Приводим соответствующие отрывки. Так, в «Идиоте» князь Мышкин объяснял Рогожину свои ощущения перед припадками: «...в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет. Вероятно (...) это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы» (8, 189). А в «Бесах» Шатов в ответ на рассказ Кириллова о чувстве вечной гармонии остерегает его: «Берегитесь, Кириллов, я слышал, что именно так надучая начинается (...) Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетел на коне своем рай. Кувшин — это те же пять секунд; слишком напоминает вашу гармонию, а Магомет был эпилептик. Берегитесь, Кириллов, падучая!» (10, 451).

Под пером Достоевского загадочное предание о Магометовом «двойном времени» приобрело жизненное правдоподобие, не утратив своей поэтичности.

¹⁵ Ирвинг В. Жизнь Магомета / Пер. с англ. П. Киреевского. М., 1857. С. 80—91 (Гл. 12. Ночное путешествие пророка из Мекки в Иерусалим, а оттуда на седьмое небо). В библиотеке Достоевского сохранился французский перевод Корана (см.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 44).

¹⁶ Вопрос о припадках Магомета обсуждался в середине XIX в. в европейской литературе по истории Ислама (см.: Sprenger A. Das Leben und die Lehre des Mohammad nach bisher grosstentheils unbenutzten Quellen. Berlin, 1861. Bd I. S. 207—240, 261—268).

¹⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. С. 347.

ОПТИНСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ДОСТОЕВСКОМ

Поездка Достоевского в Оптину Пустынь в июне 1878 г. была одним из важнейших событий духовной жизни писателя.¹ Вызванная личным переживанием смерти младшего сына Алеши, эта поездка во многом определила творческие идеи и характер романа «Братья Карамазовы».

Знакомство с оптинским старцем Амвросием, этим живым воплощением русской святости, «хранителем образа Христова», носителем народной правды, подвело итог многолетним духовным и творческим исканиям писателя.

Встреча эта носит глубоко символический характер. В лице великого гения русской литературы и великого святого Русской Церкви после почти векового разрыва встретились Церковь и интеллигенция, Православие и культура, святость и гениальность, что во многом определило характер взаимоотношений русской культуры и Православия в последующее время.

1. Обстоятельства поездки

Об этой поездке сообщают все биографии и биографические очерки жизни Достоевского. Однако источниковедческая база этой темы ограничивается практически тремя источниками.

1. Письмо Достоевского

Первый — это письмо Достоевского своей жене от 29 июня 1878 г., написанное из Москвы сразу же после возвращения туда из Оптиной Пустыни, в котором писатель излагает подробности поездки в монастырь.

Как явствует из письма, Достоевский 23 июня 1878 г. вместе с В. С. Соловьевым выехал из Москвы по Московско-Курской железной дороге до станции Сергиево за Тулой. Далее спутники пересели на экипаж до Козельска. В пути выяснилось, что произошла ошибка в расчете расстояния: до Козельска было не 30 км, как предполагалось, а 120, к тому же дорога оказалась не почтовой и ехать пришлось «на долгих», т. е. на одной тройке с остановками на отдых и корм лошадей. Время в пути удлинилось более чем на сутки.

25 июня в воскресенье Достоевский приехал в Оптину Пустынь. О самом пребывании в монастыре в письме сказано чрезвычайно кратко: «В Опт(инной) Пустыни были двое суток. Затем поехали обратно на тех же лошадях...» (30, 35—36).

Возвращение в Москву, судя по всему, тем же путем заняло два дня. Все путешествие продлилось семь дней. Достоевский обещает жене: «Обо всем расскажу, когда приеду» (30, 36).

¹ См. также: Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература. СПб., 1994.